

Пеганкне лодн
Марнн Метлцкон

Мушкетер
Метрицкая

Свои и чужие

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *Петра Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Свои и чужие : сборник / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-236160-9

Жизнь без близких людей невозможна. Даже если ты считаешь себя самостоятельным, самодостаточным и независимым человеком, все равно настанет момент, когда захочется поделиться, поплакаться, попросить совета. Да просто помолчать с тем, кто тебя понимает и принимает.

Но как их найти — близких людей? И всегда ли те, кто близок по крови, близок по духу? Как разделить мир на своих и чужих? Есть ли идеальная формула?

Мария Метлицкая не выводит этой формулы, у нее нет готовых рецептов и ответов на все вопросы. Она просто рассказывает истории — о тех, кто нашел родственную душу, о тех, кто еще в поиске, и о тех, кто по разным причинам обречен на одиночество.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-236160-9

Кровь не вода

Все сложилось удачно — просто на редкость. Два родных брата, Семен и Илья, родившиеся один за другим с разницей в полтора года, с первых дней жизни были неразлейвода. Ссор не было, скандалов и разборок — тем более. Родители не могли нарадоваться на своих дружных мальчишек: игрушки не делят, друг другу всегда уступают, стоят друг за дружку горой и каждый готов взять вину брата на себя. Жили скудно, как, впрочем, почти вся страна. Отец — инженер на заводе, мать — учительница труда в школе. Обычные люди, рядовая семья. И внешне вполне заурядные. В кого получились красавцы мальчишки? Загадка природы. Рослые, широкоплечие, темноглазые и черноволосые — загляденье и гордость родителей. Учились тоже вполне сносно — правда, старший, Семен, был стопроцентным гуманитарием, а младший, Илья, — технарем.

Женились рано и тоже почти одновременно — даже просто смешно! Как нарочно, — говорила мать Раиса Матвеевна. На втором курсе МАИ Илья привел в дом милую девочку, свою однокурсницу Галочку. Скромная Галочка по вкусу при-

шлась абсолютно всем — даже Семен, слегка огорченный этим известием (ревность, конечно, а что же еще?), от Галочки был в полном восторге.

Она и вправду была очень милой — тихой, воспитанной, скромной и, главное, сразу, с первой минуты, искренне полюбила родителей мужа, признав за свекровью непререкаемый авторитет и хозяйку.

Разместились так — в «задней» комнате, бывшей прежде родительской спальней, сделали «молодежный альков» — так острил новоиспеченный муж. Галочка при этом сильно краснела. А в большой, проходной, где раньше спали братья, теперь проживали мать с отцом и Семен.

Ничего, никто не ворчал — народ тогда был не так избалован, да и две комнаты в большой коммуналке на Петровских линиях, в самом центре, — разве так плохо?

А месяцев через семь в родительский дом явился Семен, держа за руку симпатичную высокую голубоглазую девушку, и представил ее своей невестой.

Девушку звали Наташей, но очень скоро она превратилась в Тусю и осталась ею навеки.

Квартирный вопрос стал острее — как разбираться, чтоб без обид? Девушки были без площади — Галочка из подмосковного Серпухова, а Наташенька, Туся, вообще из Свердловска.

За семейным ужином было принято мудрое и справедливое решение — в «алькове» спать поочередно. Два через два. Молодые смутились — самую малость, все посмеялись и на этом тему закрыли.

Туся и Галя сдружились сразу и навсегда. Единственное, что омрачало их дружбу, была небольшая, ну, самую малость, скрытая, невидимая борьба, нет, скорее соревнование, за любовь свекрови. Но та, умница, невесток не разделяла — хвалила обеих, подарки покупала равнозначные — Галочке

синюю кофточку, Тусеньке — красную. И поровну говорила ласковые слова.

И любила их одинаково, потому что девочки были чудесные — так она с гордостью рассказывала про них знакомым и родственникам: «Как нам повезло!» И вправду повезло.

Альковные пересменки не заставили долго ждать последствий, и через несколько месяцев — так же дружно, как жили, — невестки объявили о своих беременностях.

С разницей в три месяца родились девочки, двоюродные сестры. Похожие на отцов и друг на друга, ну прямо сестры родные. Эмма и Элла.

Разумеется, жизнь стала труднее и суматошней: молодые мамы — студентки. Папаши — туда же. Места стало меньше, а шума, наоборот, больше. Младенцы исправно орали. Особенно старшая, Эмма. Дочь Ильи и Галины.

Но скандалов по-прежнему не было — воспитывать девочек стали дружно, подменяя друг друга, по очереди бегали на молочную кухню и выгуливали дочек на улице — никто в спор не вступал, все честно делили обязанности, не разделяя, кто брат, а кто сват.

Бабушка девочек работу, конечно, бросила и пришла на подмогу. Девочки жили так же дружно, как и их молодые родители, — просто не могли жить друг без друга. Только... Ссорились иногда — вернее, чем-то бывала недовольна строптивая Эмма. Но младшая, Элла, всегда уступала, и ссора заканчивалась, едва начавшись.

А спустя пять лет стали расселять коммуналку и давать квартиры. Это была и огромная радость, и большое расстройство — никто из них не представлял, как будут жить друг без друга.

Уехали в Новые Черемушки, тогда еще почти загород. Квартиры дали в соседних домах — однокомнатную родителям в доме напротив и по двухкомнатной молодым. В одном подъезде. Второй и третий этаж. Друг над другом.

Нет, это, конечно же, все-таки огромное счастье — и это счастье все ощутили почти моментально, в первый же день.

Было просторно, тихо и, главное, — все свое! И кухня, и ванная, и туалет. И спальня, конечно.

Бегали друг к другу в гости раз по пять на день — посмотреть, какую кушетку купили Илья с Галочкой. А польский журнальный столик и кресла на дистрофичных ногах достали Семен и Туся. А мама Рая (так звали свекровь обе невестки) напекла пирогов — и тут же все дружно бежали к родителям.

До смешного — квартиры, точнее, обстановка в квартирах, были почти одинаковые. Разумеется, дело тут было и в скудном ассортименте — поди достань что-нибудь эдакое!

И все же — занавески, не сговариваясь, купили одного тона. Кухонный гарнитур — тоже. А когда сошлись, как братья, сервизы — тут всем стало смешно.

Зайдя к брату, шутник Илья начинал растерянно оглядываться по сторонам.

— Я, братцы, вроде бы дома? А тогда почему Туська на кухне?

Девочки, конечно же, гуляли в одном дворе, играли попеременно в обеих квартирах — но Эмма любила больше «ходить в гости» к сестре — там интереснее и игрушки чужие! Свои она немного жалела. И в садик отправились вместе. Жизнь совсем наладилась, все были рядом и почти вместе, но у каждого был свой угол, и стало больше покоя. А так — да все оставалось почти на местах: все любили друг друга по-прежнему и всегда приходили на помощь. По первому зову.

В семьях царили лад и любовь. Родители старели, сыновья мужали, а внучки росли. И ничто не омрачало жизни — ничто серьезное и, не приведи господи, страшное.

Потом старики вышли на пенсию, стали прибаливать, а дружные снохи по очереди забегали прибраться, принести продукты и приготовить обед.

Приобщали девчонок — отнести бабуле с дедулей молока или хлеба, свежую газету или еще теплый яблочный пирог.

Элла бежала тут же, а Эмма начинала капризничать:

— Пусть идет Элка. Ей ближе на целый этаж!

Братья трудились, понемногу поднимались по служебной лестнице, копили на автомобили и отпуска, в которые, разумеется, тоже ездили вместе.

Невестки все так же были дружны, да не просто дружны, а куда глубже и больше — считали друг друга сестрами. Конечно, родными. И правда, куда уж родней?

Эмма и Элла, проснувшись, начинали перестукиваться по батарее — у них даже был свой «язык», азбука Морзе: два стука коротких — быстро позавтракать и ко мне! Три: есть дела, и встретимся позже, к обеду. Ну а четыре: ох, все отменяется — например, едем в Серпухов к бабушке (Эмма) или на вокзал встречать свердловский утренний — передача от Тусиной мамы.

Разлуку — даже короткую — переживали.

Ну, и кто-то поспорит, что все сложилось удачно? Какие прекрасные семьи! Точнее, семья.

Семен получил дачный участок, и дачу строили вместе, общими силами, ни минуты не думая о том, что владельцем участка и дома являются старшие дети — как по-прежнему называли их старики.

Отпуск в то лето был отменен — все средства вкладывались в строительство дома. Жены не роптали и не канючили — понимали, что девочки будут на воздухе. Да и старики, разумеется, тоже.

Мечтали о походах в лес и на речку, о шашлыках и песнях под гитару, о яблоках из собственного сада и самоваре по вечерам — обычные мечты горожанина, возводящего свой нехитрый и милый дом. Дачу. Как жить в Москве и ее не иметь? Невозможно — умные люди уже понимали.

Так все и было в дальнейшем — дом наконец закончили. Сад посадили. И привезли девочек с бабушкой и дедушкой, вместе. Три комнатки внизу, на первом этаже — «девчачья»

и родительская, общая, типа столовой-гостиной, и две малюсенькие спальни на втором этаже — метров по шесть. Галка с Ильей и Семен с Тусей. Все одинаково, и всем поровну.

Девочки, Эмма и Элла, дачную жизнь обожали — купание в речке, велосипеды, костры. И, разумеется, компании. Мальчики.

Никто ни разу не задал вопроса — родные ли сестры Эмма и Элла? Это было так очевидно, что и в голову бы не пришло усомниться. Они и вправду так были похожи между собой, что и сомнений не возникало — конечно, родные!

Худенькие, мелкие (в бабушку, в бабушку), узенькие, остролицые, черноглазые и буйно-кудрявые, точно из одного инкубатора, как шутили родители.

Дружили они по-прежнему, так плотно, так крепко, что жизнь друг без друга было сложно представить. Один сад, одна школа, одни каникулы на двоих. Одни бабушка с дедушкой.

Вот только характеры разные. Эмма, дочь Ильи и Галины, была явным лидером и заводилой. А Элла, сестра, подчинялась беспрекословно и, кажется, была из тех, кто получает от этого удовольствие.

Эмма, конечно, была побойчее во всем и порешительнее. Она с удовольствием руководила любимыми процессами — будь то игра или детские шалости. Кстати, не всегда безобидные. Так, однажды, девочкам было лет восемь, Эмма предложила сестре «подушиться бабулиными духами». Духи с большой осторожностью были изъяты из бабулиной комнаты и, разумеется, оприходованы. Сестры поднялись на чердак и там открыли украденный флакончик. Не беда, что пузырек с драгоценной влагой упал и разбился, беда была в том, что у Эллы открылся жестокий приступ удушья — с той поры она и вошла в когорту отчаянных аллергиков.

Эмма испугалась, увидев, как сестра синееет, хватается ртом воздух и падает без сознания.

Пару минут она раздумывала, распахнув окно и спустив с несчастной бретельки от сарафана, но ничего не изменилось — Элле становилось все хуже, она отчаянно хрипела и пыталась звать о помощи.

Эмма подхватила ее под мышки и стащила по лестнице вниз практически волоком — на большее сил не хватило.

Наконец обезумевшая от страха Эмма бросилась к взрослому. На счастье, в доме был димедрол, и Илья влил девочке ампулу в рот. Вызвали «Скорую», и, слава богу, тогда пронесло.

На чердак, где и были разлиты духи, взрослые не поднимались и продолжали пытаться девочек, что они съели или понюхали.

«Нам надо знать причину приступа! — зывали родители. — Что вы скрываете? Поймите, важно лишь то, что явилось причиной одушень!»

Было обещано, что ругать их не будут — ни-ни! Что поймут, что произошло все случайно и виноватых нет. Но сестры молчали. Молчала Эмма, опустив голову, и молчала несчастная Элла, поймав строгий, предупреждающий взгляд сестры: мы молчим, поняла? Смотри!

Увещевания, просьбы, требования и угрозы не помогли — девочки так же молчали.

Их уложили спать и собрали семейный совет. Что делать? Как узнать причину и почему они так боятся открыться?

Наутро они снова молчали, как партизанки перед врагами. И было принято решение сестер наказать. Что это значило в условиях дачи? Да многое! Речка и лес — под запретом. Вечерние костры на просеке тоже. Велосипеды — туда же. Даже любимые книги запрещены. Не говоря уже о телевизоре и кино в старом клубе. Разрешалось — только учебники, прополка клубники и помощь родителям по хозяйству. Все.

На какой срок? «Да пока вы не расколетсяь», — объявил суровый Семен, невзирая на мольбы женщин и отца, дедушки, сидящего с валидолом.

А они молча выслушали суровый приговор, и Эмма кивнула:

– С чего начинать?

– В смысле? – не понял дядька.

– С прополки или со стирки носков?

Взрослые переглянулись, тяжело вздохнув, и разберлись по делам.

Обнаружилось все через пару дней, когда Галочка поднялась за чем-то на пресловутый чердак.

Запах там стоял еще крепкий, и она сразу все поняла.

Теперь девиц терзали вопросами: «Почему украли? Почему побоялись сказать?»

С Эммой долго беседовали родители – по очереди и вместе. Объясняли, что жизнь любимой сестры была под угрозой. Пытались понять, почему – почему – они боялись открыться? Разве их били когда-нибудь? Разве сурово наказывали? Откуда эта ложь и этот страх?

– Страшно не то, что вы смогли украсть. Хотя это тоже ужасно. Страшно то, что твоя сестра могла умереть. Ты меня слышишь? – пытался достучаться до дочери Илья.

Эмма стояла молча и разглядывала свои сандалеты.

Наконец отец не выдержал, подошел к дочери и сильно встряхнул ее за плечи.

Она подняла на него лицо, посмотрела внимательно, с интересом и вовсе без страха и тихо произнесла:

– Попробуй только удар!

Отец вздрогнул, мать заплакала, а Эмма вздохнула и вышла за дверь.

А вот родители Эллы впервые задумались. Точнее, перепуганная мать накручивала растерянного отца, справедливо обвиняя во всем племянницу.

Он молчал, а потом рявкнул:

– Да хватит! Я понял. Только ты не поняла, что *она* мне такая же дочь, как и Элла!

– Я понимаю! – шепотом, оглянувшись, словно боясь, что их услышат, ответила Туся. – Только... Только теперь я

ее боюсь. Понимаешь? Не знаю, что можно от нее дальше ждать!

Расстроенный муж махнул рукой и вышел на крыльцо покурить.

Именно с того дня, хотя, казалось бы, все скоро было забыто, отношения между братьями и их женами изменились.

Был еще случай — девочки подобрали одноглазого бездомного котенка, плешивого и блохастого. Взять в дом котенка не разрешили — конечно же, в частности, из-за того, что пушистые животные были противопоказаны Элле.

Котенка было велено немедленно отнести обратно и категорически про него забыть.

Эмма ослушалась — котенка они пристроили к соседке, сердобольной бабуле, и бегали его мыть, чесать и кормить. Кончилось все блохами — и это, слава богу, была самая мелкая из возможных неприятностей.

Когда открылась и эта ложь, снова поднялся скандал. «Опять вранье и непослушание! Опять риск для здоровья Эллы! Как ты могла?» — все дружно орали на Эмму, а она, подняв свои невинные глаза, успела промолвить:

— А что, я одна? Я одна туда ходила и мыла его?

Тут к ней подлетел дядька и дал ей затрецину. Отец негодницы побледнел, а мать закричала:

— Не трогай ребенка!

Братья и их жены не разговаривали неделю. Между собой беседы сводились к тому, что надо разъехаться, потому что... Ну, все понятно!

Родители Эммы оправдывали ее, повторяя ее же слова: «А что, Элла совсем без мозгов?»

А родители Эллы уже стали прямо-таки бояться племянницы — с такой, как она... Словом, да все, что угодно!

Но лето подошло к концу, а до следующего было так далеко, что про разъезд думать пока не хотелось.

С дачи в тот год уезжали смурные, сконфуженные, потерянные. Все понимали, что их рай, их семейный очаг почти безвозвратно разрушен. И прошлых отношений, скорее всего, не вернуть.

А девочки по-прежнему дружили, ходили в один класс и вместе делали уроки — теперь было принято решение, что заниматься они будут у бабушки.

Элла школу не то чтобы любила — нет. Но уважала. Учителей, авторов учебников, классные часы и общественные задания. А Эмма — да ясно и так! Учителей критиковала, в учебниках быстро отыскивала казусы и ошибки, с классных часов сбегала, а общественные поручения игнорировала.

Была еще одна неприятная история в школе — группка отчаянных троечников и примкнувшая к ним парочка заядлых двоечников и отставал решили уничтожить классный журнал. Почему-то в эту историю оказалась втянута Эмма. Почему-то именно она вызвалась вынести пресловутый журнал из здания школы.

Журнал она вынесла легко, а вот где спрятать — вопрос. Элла была не в курсе этой гнусной истории. Легкомысленная Эмма сунула журнал под кровать. Заметьте — под Эллину кровать, не под свою! Не специально, ни в коем случае. Просто пришла после школы к Элке — тетка в тот день напекла пирожков, ну, и сунула журнал под кровать. А потом про него и забыла.

Вечером Туся взялась подметать — тут-то пропажа и обнаружилась. Дома был страшный скандал — бедную Эллу пытали родители. Но при виде ее отчаяния и искренних слез до отца наконец дошло.

- А Эмма у нас сегодня была? — нахмурив лоб, спросил он. Жена и дочь уставились на него.
- Да, а что? — спросила жена.
- А при чем тут Эмма? — удивилась Элла.

Мать и отец в одну и ту же секунду с тяжелым вздохом посмотрели на дочь и абсолютно синхронно покрутили указательными пальцами у виска.

– Да-а-а! – протянул Семен. – Ну ты, дочь моя... Просто нет слов!

А в восемь утра, несмотря на слезы и крики дочери, Семен, взяв под мышку журнал, отправился в школу. Прямо к директору – строгой и очень принципиальной Маргарите Петровне.

Элла взбежала на третий этаж.

– Эмка, спасайся! Они все узнали, и отец пошел в школу!

Эмма дрогнула, быстро кинула вещи в рюкзак и у двери обернулась.

– Я... спрячусь пока. Ну, пока все не утихнет.

Махнула рукой и быстро сбежала по лестнице.

– Где спрячешься? – выкрикнула сестра.

Но вопрос остался без ответа.

Дело раздули огромное – директриса орала, что Эмма будет отчислена. Потому что всем надоела!

Илья и Семен стояли в ее кабинете и предлагали все – ремонт в школе на общественных началах. Покупку кинопроектора в кабинет биологии. Новые шторы на первый этаж.

Директриса качала головой и молчала – видимо, прикидывала.

Потом вздохнула.

– Я знаю, у вас очень приличные семьи. Мне даже вас жаль. Но! Вы должны понимать, что совершено преступление. Украден серьезный документ. Украден с целью сожжения. Что делать мне? Подскажите. Я же должна на это *отреагировать!*

Тут в кабинет ворвались рыдающие мамы, и сердце Железной Марго не выдержало...

А вот Эмма пропала. Искали ее с милицией. Нашли к вечеру следующего дня — наконец кто-то сообразил поехать на дачу. Ворвались в дом, где Эмма безмятежно и крепко спала.

Была прощена, разумеется, — ребенок жив и здоров! А все остальное...

Только поздно вечером, перед сном, отец зашел к Элле.

— Ну, — спросил он, — ты хоть что-нибудь поняла?

Дочь отвернулась к стене.

— Зачем ты пошел в школу, папа? Зачем ты все обнарудовал? Я ведь, — тут она всхлипнула, — я ведь могла его пронести обратно! Аккуратно! И положить в ящик стола. А ты? Ты все испортил!

Семен тяжело вздохнул и погладил ее по голове.

— Нет, — сказал он, — не поняла. Ничего ты не поняла, моя дорогая! Она ведь... совершила *два* ужасных поступка. Первое — украла журнал, а второе — то, что она предала тебя, любимую сестру! Не предупредив, просто подкинула тебе этот чертов журнал! А ты... — снова вздох, — а ты, Элка, опять все простила! И снова бросилась ее спасать и вытаскивать... Ох, детка! Как же непросто тебе будет жить!

Он поправил дочери одеяло, погасил ночник и вышел из комнаты.

На душе было очень погано. Так погано, что... Да что говорить! И еще — злость на Элку. Даже больше, чем на племянницу. Такие дела.

Элла училась слабее сестры — чуть-чуть, но слабее. Эмме давалось все так легко и просто, что уже к классу седьмому она поняла — зубрить ей не нужно. Сочинения Эммы зачитывались вслух, контрольные по математике она сдавала первой, а стихотворения заучивала после второго прочтения.

Элле, чтобы не отстать от сестры, надо было стараться. Очень стараться и много трудиться.

Эмма звала ее во двор или в кино, а Элла, ненавидя весь мир, готовила уроки.

Она понимала, что если вдруг безнадежно отстанет от Эммы, для родителей это будет крах надежд и позор.

В девятом классе Эмма закурила, стала красить ресницы и кокетничать с мальчиками. У нее завязался роман — с самым ярким и красивым мальчиком школы. Девушки недоумевали — как некрасивая Эмма могла окрутить нашего принца?

Могла. Еще как! Боря ходил за ней по пятам, носил портфель и ждал по утрам у подъезда.

Эмма выскакивала из дома, стаскивала с головы вязаную шапку, распахивала пальто, кидала ему тощий портфель — зачем самой таскать эту тонну учебников? — и, прищурив узкие глаза, спрашивала:

— Ну? Куда? Предлагай!

Боря пожимал плечами и нараспев, чуть заикаясь, предлагал программу:

— Кино? Кафе-мороженое? Или в Сокольники? А может, в парк Горького?

Школу прогуливали нещадно, почти через день. А бедная Элла сестру прикрывала, врала, что та то болеет, то сидит с больной бабушкой.

В конце учебного года Эмма попалась. Боря от страха свалился с высокой температурой, боясь всего и сразу — учителей, своих родителей, родителей Эммы. Но больше всего — саму Эмму.

Эмма звонила ему и смеялась:

— Что, струсил? Ну, ты и гад, Борьчик! А я напишу на тебя. Боишься? Отправят тебя, милый, в колонию. Лет эдак на пять!

Обо всем этом кошмаре знала только сестра. На заднем дворе они, усевшись на ящик от марокканских апельсинов, обнявшись от страха, сидели по нескольку часов, не зная, что делать.

Эмма закуривала и тут же бежала в кусты. Элла рыдала, словно это она залетела от Борьчика.

Потом рыдали вместе, и Элла повторяла один и тот же вопрос:

— Что делать, Эмка? Что делать? Нас же убьют. Растерзают. Просто порвут на куски!

— А при чем тут ты? — начинала смеяться Эмма, вытирая горячие слезы. — Ты-то тут при чем, дуручка?

Элла, нахмурившись, вдруг призналась сестре:

— Ты... только не смейся! Меня тоже... тошнит.

Эмма покрутила пальцем у виска и помотала головой:

— Ну, ты даешь, Элка! Совсем дура, что ли?

Наконец вопрос был решен — старшая сестра Борьчика, двадцатилетняя студентка-медичка, выслушав брата, взялась помочь. Рано утром Элла и Эмма отправились к черту на кулички, в Медведково, в какую-то больницу, где их приняла пожилая врачиха. Она внимательно оглядела сестер, строго спросив:

— Обе?

Сестры дружно замотали головами, и Эмма, глубоко вздохнув, громко сказала:

— Я! — и сделала шаг вперед.

Врачиха кивнула — ей-то вообще все равно, — и повела ее через аварийную лестницу, грязную и заплыванную, усыпанную окурками, в какую-то комнату, где велела раздеваться и ждать, бросив ей на колени огромный вытертый серый больничный халат.

Эмма разделась, села на табуретку и стала ждать. Ей было так холодно и так страшно, что захотелось сбежать. Она плакала, не вытирая слез, и они, сильные, мощные, как река, текли по ее шее, ключицам и маленькой груди — горячими густыми ручейками.

Потом она вспоминала, что никогда больше так не ревели. Никогда! И ни при каких обстоятельствах.

Скоро за ней пришла нянечка, сунула в руки серую с дырками пеленку и зло бросила:

— Ступай за мной. — Но тут же вздохнула, словно пожалела девчонку, и добавила: — Горемыка!

Они шли по пустому, холодному и гулкому коридору,

и нянька все бормотала, что от мужиков одни беды, а она такая тощая да сопливая, и туда же! Под поезд! Прямо чешется у вас там, у идиоток таких! Вот теперь и расхлебывай...

Потом был кабинетик, маленький, с замазанным белой краской окном, и та врачиха в перчатках и в маске — Эмма ее не сразу узнала.

Та вколола ей в вену укол, и последнее, что она слышала, было звяканье металлического инструмента и грубый окрик:

— А ну, раздвигай! Умеешь, небось? Или забыла?

Очнулась она от страшной боли внизу живота — болело так, что она громко, в голос застонала. Казалось, что там, внутри, кто-то продолжает кромсать ее железными ножницами — со злорадным упорством.

Она открыла глаза и увидела, что она в палате, на узкой койке, а на соседней спит толстая женщина — спит крепко и громко храпит.

Потом пришла врачиха, пощупала ей живот, положила на него пузырь со льдом, посмотрела на часы и сказала:

— Лежишь еще час. Потом встаешь и уходишь. Тем же путем. Деньги сейчас. Поняла?

Эмма вытащила из сумки двадцать пять рублей одной сиреневой бумажкой, сунула врачихе и, отвернувшись к стене, сказала:

— Спасибо.

— Рада была угодить, — усмехнулась та и ушла.

Через час Эмма оделась и медленно пошла по пустынно-му коридору на улицу.

Выйдя на задний двор, она увидела Эллу. Та сидела на перевернутом ящике и плакала. Увидев сестру, заревела сильнее.

А Эмма подошла к ней и спокойно сказала:

— Дай закурить!

Закурив, с усмешкой посмотрела на громко всхлипывающую сестру и спросила:

— А ты чего ревешь, дурочка? Все уже позади. Поняла? Все уже *хорошо!*

Но до «хорошо» было как до луны. Уже в такси Эмма «промокла» — лило из нее как из ведра.

Элла испуганно умоляла вернуться в больницу. Эмма молчала и подкладывала под себя куртку.

Из машины выскочили и быстро побежали в подъезд — не дай бог шофер увидит, «как мы все загадили».

Отдыхались только в квартире — родители, слава богу, были на даче: пятница, вечер.

Эмма, постанывая, лежала в постели и покрикивала на испуганную сестру:

— Ну, и чего ты психуешь? Подумаешь — кровь! Все-таки операция, милая! Бескровных операций еще никогда не было.

К вечеру поднялась температура, и было уже очевидно, что нужно ехать в больницу.

Элла рыдала в голос и умоляла позвонить «хотя бы кому-нибудь».

— Кому? — железным голосом холодно осведомилась сестра. — Может быть, маме с отцом? Или бабуле? А, деду! Вот деду — давай!

Позвонили сестре горе-любовника. Та прибежала к приезду «Скорой», и ослабевшую Эмму наконец увезли.

Ну, а там все по схеме — повторная чистка и приговор: детей — никогда! Даже не думайте.

Всю ночь Элла просидела у постели сестры. Эмма, казалось, спокойно спала. Но была бледнее простыни и вздрагивала, постанывая во сне, словно ей снился кошмар.

Элла поила ее водой и снова тихо скулила. Под утро Эмма открыла глаза, спокойно оглядела сестру и спросила со вздохом и раздражением, широко зевнув:

— А-аа, ты? Снова ревешь? Ну, а теперь-то что? Видишь — живая, — снова зевок, — не подохла! Ну... или — полуживая, — она усмехнулась.